

ПЕТР РОМАНОВ

РОССИЯ И ЗАПАД
От Николая I до Александра II

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 63.3(2)
Р69

Романов П.

Р69 Россия и Запад : От Николая I до Александра II / Петр Романов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 279 с. — (Серия «Пальмира — история»).

Книга писателя, публициста и политического обозревателя Петра Романова, в которой рассказывается о том, как развивались отношения между Россией и Западом в период от начала царствования Николая I до эпохи реформ Александра II.

**УДК 82-94
ББК 63.3(2)**

© Романов П. В., 2020

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-02693-4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА.
ИДЕАЛЬНЫЙ САМОДЕРЖЕЦ
И ТРУДОЛЮБИВАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

За время, прошедшее от Рюриков до кончины Александра I, Русь — Московия — Россия прошла в своих отношениях с Западом огромный путь. От полного взаимного непонимания и даже брезгливого отношения к чужакам, да еще и иноверцам, до признания за Россией права стать вождем антинаполеоновской коалиции. С подобной ролью русского государства безоговорочно согласились все крупнейшие на тот момент европейские державы, пытавшиеся остановить экспансионизм великого корсиканца. Причем даже те, кто к России по-прежнему относился без особой симпатии, скажем Великобритания и Австрия.

Это был трудный путь. Чтобы стать Россией, русским пришлось не только вести тяжелейшие войны за выход из изоляции, географически пробиваясь к Балтике, а политически — к главному центру цивилизации в Европе, но и побеждать самих себя, поскольку в душе русского человека постоянно боролись две силы — желание сохранить свою самобытность и понимание того, что без широкой кооперации с Западом страна обречена на отставание.

В принципе все российские монархи, хотя и в разной степени, с давних времен понимали необходимость сближения с западноевропейским миром. К этому подталкивал здравый смысл. Апофеозом этого стремления взять на Западе все, чего недоставало России, отставшей от остальных в силу своей долгой исторической оторванности, была Петровская реформа.

Однако петровский импульс не мог быть вечным, и постепенно империя стала притормаживать в своем развитии.

Восстание 14 декабря 1825 года, в короткий период междоцарствия, после смерти Александра Павловича и до вступления на престол его брата Николая Павловича, явилось, по сути, неудачной попыткой части политической элиты страны дать новый импульс продвижению России к европейским стандартам общественной жизни.

Разгромив мятеж, власть, в свою очередь, озабочилась поиском стратегии развития России на будущее и довольно скоро определила собственные ориентиры. В основе курса Николая I уже лежала принципиально новая идея, контрреволюционная по отношению к революции Петра Великого. Власть предложила народу двигаться не вперед, а назад. Не к конституции, а к безграничному самодержавию. Не на Запад, а в глубь России, взяв за эталон не европейскую цивилизацию, а национальные корни. Новый государь взял курс на самоизоляцию России.

Декабрьский мятеж 1825 года произвел огромное впечатление на царя и его ближайшее окружение не только своим радикализмом, но и откровенно западной ориентацией декабристов. Сразу же после подавления восстания во многих петербургских светских салонах заговорили о том, что мятежники стремились насильственно «пересадить Францию в Россию». На допросах в следственной комиссии подсудимые давали откровен-

ные показания, называя среди своих идейных вдохновителей множество европейских философов, политиков и революционеров, начиная с Руссо и кончая карбонариями. Источник зла, таким образом, был, по мнению власти, очевиден.

Николаевскую эпоху можно считать своего рода «линией разлома» в отношениях России и Запада. Внутренний духовный переворот не мог не отразиться и на внешней политике России. Александр Павлович стал признанным европейским лидером, создателем Священного союза, объединившего под своим крылом почти всю Европу. Николай Павлович к концу своего царствования враждовал практически со всей Европой, втянув Россию в катастрофическую Восточную (Крымскую) войну.

Эпитет «железный» в характеристиках Николая Павловича встречается очень часто. Здесь мнения его поклонников и противников полностью совпадают. Просто для одних он являлся «железным рыцарем самодержавия», а для других — безжалостным «железным тюремщиком».

Один из русских историков, Михаил Полиевктов, сразу же после падения царизма в феврале 1917 года, анализируя деятельность последователей Николая I на престоле, писал:

Какие пигмеи все эти «освободители», «миротворцы» и просто «благополучно царствующие» в сравнении с железною фигурою тюремщика русской свободы! Часто многое, что позднее выдвигалось как нечто самобытное и оригинальное, на поверку оказывалось заржавленным оружием, извлеченным из арсенала Николаевской эпохи.

Это был действительно последовательный и необычайно трудолюбивый контрреволюционер, а Николаевская эпоха — одна из интереснейших (и наиболее поучительных) в русской истории.

ИНОСТРАННЫЙ ГУВЕРНЕР КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Восстание 14 декабря 1825 года в Петербурге и последовавший сразу же вслед за этими событиями бунт Черниговского пехотного полка на юге империи (29 декабря 1825 года — 3 января 1826 года) можно при желании считать как последним дворцовым гвардейским переворотом в русской истории, так и предтечей всех дальнейших российских революций.

С прежними дворцовыми переворотами движение декабристов роднит в основном внешняя канва. Это классический для России верхушечный, то есть оторванный от низов, дворянский (гвардейский по преимуществу) заговор, организаторы которого по традиции попытались воспользоваться смертью царя и возникшей в связи с этим неразберихой. Солдаты, участвовавшие в мятеже, использовались вождями заговора «втемную», то есть большую часть солдат просто обманули, а некоторых, как увидим, подкупили. Это при дворцовых переворотах дело обычное.

Вместе с тем впервые в русской истории движущей силой заговора была не жажда власти или корысть его организаторов, то есть расчет на лучшую должность, поместья или ордена, а вполне осознанный общественный интерес. Конечно, и среди декабристов можно найти авантюристов и честолюбцев, однако почти все основные действующие лица этой истории имели за спиной блестящую карьеру, солидное образование, вели свое происхождение от старинных дворянских родов, так что могли рассчитывать на благополучное будущее и не расшатывая основ Российской империи.

На этот раз речь шла о революции, а не о простом желании посадить на престол «своего» монарха. Впервые после Петра Великого не в теории, а на практике

ставилась задача коренного переустройства российского общества. Споры о будущем новой России в кругу декабристов шли немалые, поскольку среди них находились как сторонники конституционной монархии, так и убежденные республиканцы, но одно было очевидно всем: старый режим самодержавия себя изжил, России как воздух необходимы радикальные реформы и конституция.

Наконец, принципиально иную роль в заговоре играл и зарубежный фактор. Иностранные фамилии среди декабристов хотя и встречаются, но не на первых ролях. К тому же это все выходцы из давно обрусевших дворянских родов, то есть по существу те же самые русские. Среди главных действующих лиц уже не найти фигур, подобных лекарю Елизаветы Петровны Лестоку, служившему за взятки сразу нескольким европейским дворам. Не было среди вождей декабристов и своего фельдмаршала Миниха, избавившего Россию от Бирона. Ничтожна в истории декабристов даже роль иностранных посольств, участвовавших в прежних русских переворотах весьма активно.

Иностранный фактор в деле декабристов, естественно, присутствовал. Более того, он являлся решающим, однако на этот раз влияние носило уже принципиально иной, чем прежде, не прямой, а опосредованный характер. Что закономерно. Декабризм — не дворцовая интрига на иностранные деньги, а патриотическое движение, возникшее как результат объективного и критического сравнительного анализа положения дел в Европе и у себя дома. И вывод оказался не в пользу России.

Иначе говоря, нить между декабризмом и Наполеоновскими войнами прямая, и тянется она все дальше и дальше. Надо только уметь ее видеть. Редко соглашусь с Лениным, но трудно оспорить его известный тезис, что декабристы разбудили Герцена. У поэта Наума Кор-

жавина есть ироничная, но, в общем-то, верная «Баллада об историческом недосыпе»:

Любовь к Добру разбередила сердце им,
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

Ну, а дальше, как известно, Герцен своим «Колоколом» разбудил теоретика Чернышевского, который тут же начал звать Русь к топору, чем потревожил сон уже не теоретика, а «практика», боевика Желябова. Желябов воодушевил террористку Перовскую, и т. д.

В общих чертах все точно, вот только не сказано, что самих декабристов разбудил Наполеон. Вот и судите сами, насколько значительную роль сыграли в нашей истории корсиканец и поход русских на Запад.

Видный декабрист Бестужев-Марлинский, вспоминая о заграничных походах русской армии, утверждал, что «войска от генералов до солдат только и рассуждали: „Как хорошо в чужих землях“». Другой декабрист, итальянец по происхождению, Поджио на допросах честно признавался:

Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед один за другими приняли образ свободного правления; с тех пор журналы с рук моих не сходили... Впал в сравнения и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество... наряду с просвещенными народами.

Один из лидеров декабристов Пестель, объясняя свою позицию следователю и доказывая правомерность французской революции, обращал внимание на следующее:

...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны... От сего суждения породилась